

Верная

Автор:

Юлия Резник

Верная

Юлия Резник

Я не ждал, что у ворот зоны меня кто-то будет встречать. Тем более дочь человека, благодаря подставе которого я в своё время и загремел на нары. Но вот она здесь. В должности не то моей заместительницы, не то очередной надзирательницы. Так, по крайней мере, думает тот, кто ее прислал. А что же на самом деле?...

Содержит нецензурную брань.

Юлия Резник

Верная

Глава 1

Евгения

- Евгения Александровна, мы приехали. Я тут припаркуюсь, да?

Голос водителя выводит из задумчивости. Перевожу взгляд на уже съехавшую к обочине машину сопровождения и оборачиваюсь назад, где за нами следует ещё

одна. Губы кривятся в улыбке. Где мы припаркуемся, давно уже решено охраной. Свой вопрос Костя задаёт скорее из чувства такта, что я ценю.

– Да, конечно, – подтверждаю, словно без этой вялой отмашки мы развернёмся и рванём прочь. Шины размеренно шуршат по гравию. Им здесь отсыпана обочина вдоль высокой бетонной стены с тянущимся поверху «украшением» в виде колючей проволоки. Зона как зона. Насколько я вообще могу об этом судить. Впереди высокие металлические ворота, выкрашенные ядрёной зелёной краской. У ворот собралась толпа.

– Журналюги уже понаехали, – озвучивает мои мысли водитель. Вычислить тех не трудно. У кого-то на груди болтаются камеры, кто-то держит в руках микрофон. Молча отворачиваюсь к окну и опускаю стеклоподъёмник. В салон врываются приглушённые голоса, смешки и раскалённый влажный воздух. Наверное, это чушь, но мне кажется, будто здесь особенный аромат. На ум приходит слово «казённый». Так, наверное, пахнет безнадёга. И дураку понятно, что здешних сидельцев ничего хорошего впереди не ждёт. А впрочем, может, они и не замечают совсем, чем дышат. Я же улавливаю здешние запахи, как всякий зверь улавливает незнакомое.

– Как душно... – жалуясь, хотя, казалось бы, чего роптать – закрой окно и дыши кристально чистым рафинированным воздухом с легкой отдушкой дорого парфюма, кто же тебе мешает?

– Вокруг болота, Евгения Александровна. Их тут столько, что ни пройти, ни проехать.

– Не знала.

– Да я бы тоже не знал. У меня жена из этих мест.

Только Костик замолкает, как с грохотом открывается железная дверь. Журналюги всё бросают и спешат наперерез вышедшему с охраняемой территории зоны мужчине. Кислород в моих лёгких заканчивается прежде, чем я понимаю – тревога ложная. Это не мой подопечный, а какой-то незнакомый парень. Он прячет лицо под низко натянутой на глаза бейсболкой и шагает вперёд, не оглядываясь, да и вообще не глядя по сторонам. Его никто не встречает. Может, не дождались. Вот, например, как моего будущего

начальника. А может, его в принципе не было кому ждать.

Влага болот налипает на лицо густой липкой плёнкой.

– Евгения Александровна, вы бы окошко прикрыли. Кажется, к нам идут...

И правда. Очевидно, журналисты, наконец, сообразили, за кем могли прислать такой солидный кортеж. Тру виски, про себя прикидывая количество метров, отделяющих нашу машину от ворот. Судя по всему, здесь метров сто, не меньше. И эти сто метров ему придётся пройти под прицелами камер и тычущихся в лицо микрофонов... Меня передёргивает.

Не дождавшись, что я закрою окно по-доброму, водитель делает это сам. Да-да, я в курсе, что ничего не решаю. Все мои действия продиктованы сверху. Даже сейчас в ушах звенит голос отчима:

– Что-то не так, Евгения?

Этот голос как всегда холоден и строг. Но я давно уже выросла и могу ответить, не дрожа, как перепуганный заяц, внятно сформулировав свои мысли:

– Я просто не понимаю, зачем мне ехать к чёрту на рога, чтобы просто его встретить. Это же четыреста километров!

– Вот и хорошо! В дороге как раз будет время, чтобы ввести нашего сидельца в курс дела. У тебя всё? – отчим бросает нетерпеливый взгляд на часы. – У меня ещё совещание в Центробанке.

– Что мешает мне это сделать в офисе? Когда он хоть немного придёт в себя.

Мой голос ровен, хотя хочется заорать: «Твою ж мать, папа, (мне с самого детства велено называть отчима именно так), человек вышел на волю после почти шести лет отсидки, дай ты ему хотя бы дух перевести! Дай ему смыть с себя тюремную вонь хотя бы...»

– Нам не нужно, чтобы он приходил в себя, – отчим поднимается из кресла, опирается мясистыми ладонями о шикарный стол из морёной карельской берёзы

и, вот так надо мной нависая, придавливает взглядом. – Горозия – тёртый калач. Нужно понять, что у него на уме. Это тоже твоя задача, Евгения. Проблемы нам не нужны.

– Я думала, он освобождается для того, чтобы решать проблемы, а не для того, чтобы их создавать, – не могу удержаться от замечания.

– Никогда не знаешь, как будет, – отрезает отчим, давая понять, что дальше спорить с ним бесполезно. И вот я здесь, за четыреста километров от дома. Окно плотно закрыто, воздух на комфортных плюс двадцать, но мне всё равно жарко, будто внутри что-то медленно тлеет. Возможно, моё нетерпение.

– Костя, а давай-ка попробуем прорваться на территорию.

– Что вы, Евгения Александровна! Это ж режимный объект.

Закатываю глаза. Когда это нас, интересно, останавливало? Правила созданы для простых смертных. А мы тут все – небожители. Усмехаюсь.

– Всё же попытайся. Не надо нам перед прессой маячить.

Как я и думала, спустя десять минут и пару коротких переговоров посредством висящей на ухе водителя гарнитуры, нам разрешают въехать на территорию. Ворота с лязгом захлопываются, отсекая наш кортеж от всего остального мира. Я выхожу из машины. Здесь откуда-то берётся сквозняк. Волосы взметаются над головой и падают на грудь. Раздражённо отбрасываю их за спину и неторопливо оглядываюсь. Где-то я вычитала, что для осуждённых вроде Горозии существуют специальные элитные тюрьмы. Усмехаюсь, потому как ничего элитного здесь и в помине нет. Клумба с редкими чахлыми бархатцами и высохшей в камень землёй, барачного типа унылое здание, провалы зарешеченных окон в зелёных, местами облупившихся и рассохшихся рамах, в которые, должно быть, страшно дует зимой. Я ёжусь – так, словно посреди лета ощущаю этот пронизывающий до костей холод. Отсюда хочется сбежать через минуту. О том, что мой новый начальник после этапирования из СИЗО провёл здесь почти пять лет, я стараюсь не думать.

Кто-то принимается громко улюлюкать. Наверное, выйти из машины было не самым моим разумным решением. С другой стороны, ну не нападут же на меня

на территории охраняемой зоны? Пальцем поправляю очки на переносице. Нервы натягиваются тем сильнее, чем дольше минут проходит. Ожидание наскучивает предсказуемо быстро. Голову печёт, горло пересыхает то ли от этой жары, то ли от несвойственного мне волнения. Хочется сжаться, спрятаться, чтобы перевести дух. Но я держу эмоции в узде. Мне ещё понадобятся силы. Как же это всё не по-человечески долго. А как ему?

Наконец, в будке КПП замечаю какое-то движение. Я застываю, кажется, в растаявших высокими каблуками в утоптанную кирзовыми сапогами землю. Мучительно хочется всё отмотать назад. Вернуться в себя, в свой кокон, в свой выстраданный покой. Но дверь открывается, и я понимаю, что покой теперь мне только снится, хотя сразу его даже не узнаю. Нет, он всё также высок, очень высок, выше меня на целую голову, а ведь я не из Дюймовочек. Лица не вижу – он прячется под капюшоном уродливого... свитера? Господи боже, на дворе под сорок, а он в свитере. Почему? И, часом, не он ли делает фигуру Горозии... такой массивной? Тот Серго Горозия, каким я его запомнила, был поджар, скорей даже сух.

Отмираю, делаю шаг вперёд. Всё ж каблуки вросли в землю только в моих фантазиях. На деле же ничего подобного, естественно, не происходит. С удивлением понимаю, что Горозия никуда не торопится. Достает из кармана сигарету и, закуривая, принимается о чём-то болтать с человеком в форме, прямо не сходя с порога пропускного пункта. Неужто за столько лет не наговорился? Или по-прежнему считает себя такой важной задницей, которую и весь мир, не то что мы с Костиком, подождёт? Усмехаюсь и отвлекаюсь на телефон. Осиротевшие за день моего отсутствия подчинённые обрывают мессенджеры. Я уже знаю (пришлось поинтересоваться), когда тот или иной из них появился. Мне много что пришлось узнать, чтобы не попасть впросак самой, и не поставить в неловкое положение Горозию. За шесть лет, что он провёл за решёткой, мир стремительно изменился. Важно было понимать, какие новшества Сергей Зурабович успел застать, а какие ему только предстоит освоить. Мессенджеры, к счастью, входят в первую категорию.

Пока я отвечала на самые важные сообщения, Сергей Зурабович, очевидно, наговорился. Не решаясь сразу поднять глаза, я замечаю сначала его ноги в каких-то жутких мокасинах (почему он не надел ничего из того, что я ему отправила?), голенища джинсов и простецкий целлофановый пакет с бараклом. Почему-то этот пакет в его руках особенно врежется в мою память...

– Добрый день. – Не знаю, как смогла это произнести вслух. Горло сжимается, будто колючая проволока с забора, прикинувшись мне на шею, затянулась удавкой.

– Да. Точно. Добрый. А вы...

– Я ваш заместитель. В новом проекте.

Чёртов капюшон. Под ним ничего ведь не рассмотреть... Пальцы чешутся – так его снять хочется!

– Вот как? А что вас, заместитель, привело в такие дальние края?

– Меня Евгения зовут. Евгения Александровна...

Он криво улыбается. И снова тянется за сигаретой. Подкуривает обычными спичками. Язычок пламени освещает лицо и руки. Грубые, с коротко стриженными ногтями и шершавой даже на вид кожей на костяшках.

– Ну, мне, очевидно, представляться не надо. Так что я хотел бы получить ответ на свой вопрос. Что... – он затягивается, – ...вас сюда привело?

– Желание составить вам компанию в длинной дороге? – накидываю варианты. Горозия молчит и смотрит на меня, не мигая. Почему-то в голове всплывают слова «время над ним не властно». Но это полная чушь. Наша зона – не чёртов SPA-курорт. Годы, проведённые в ней, никого не красят. И Горозию – тоже. В противовес погрузневшей фигуре, его лицо, наоборот, заострилось, кое-где на нём обозначились морщины и только взгляд... взгляд остался прежний, волчий. Такой глянет – возникает одно желание: упасть перед ним на спину и завилать хвостом, которого нет.

Что ж, его дух не сломлен. И это хорошо. Это просто великолепно.

– Не верю, – голос тоже совсем другой, в нём больше нет бархатистых южных ноток, что магнитом притягивали к Горозии баб. Теперь в нём есть некоторая хриплость, что не удивительно, учитывая, сколько он курит.

Чувствую, как мокро становится в подмышках. И это в тончайшей блузке из натурального шёлка. Я не знаю и знать не хочу, как ему в свитере. Провожу тыльной стороной руки по лбу, стирая испарину.

– Давайте в машине поговорим, – предлагаю я, кивком указывая в направлении заботливо распахнутой водителем двери. Сергей Зурабович затягивается – настолько, что фильтр шипит и отходит, – чтобы дисциплинированно выбросить окурок в урну. А потом садится в салон. Я же медлю несколько секунд, чтобы собраться с силами, и присоединяюсь к нему лишь тогда, когда эта задержка уж слишком нарочито затягивается.

– Мне поручено поздравить вас с освобождением и передать, что вы можете обращаться к... – закатываю глаза, – с любой просьбой. Наверху не ждут, что вы присоединитесь к работе тут же, но, я совру, если скажу, что у нас есть время на раскачку.

Горозия молчит и, не снимая чёртового капюшона, скрывающего его, глядит в окно. Где-то там, не солоно хлебавши, остаются репортёры. Мимо пробегают пожухшие пыльные свечки тополей, а за ними поля, поля и никаких болот, из-за которых, как я думала, мне не дышится. Даже если мы будем гнать, как ненормальные, на дорогу уйдёт по меньшей мере три часа. Мы так и будем молчать? Впрочем, если он хочет, так, может, даже и лучше.

Едем где-то уже минут десять, когда Сергей Зурабович резко бросает:

– Остановитесь.

Естественно, его никто не слушает. Только я, так и не сумев расслабиться, вскидываюсь.

– Зачем? Что такое?

– Парня подберём.

Я оглядываюсь. По дороге бредёт тот самый молодой человек, что вышел раньше Горозии.

– Это ваш друг?

– В зоне нет друзей. Да остановите вы чёртову машину! До города хоть его подбросим, ливень заходит.

Удивительно, но это действительно так. Буквально за несколько минут небо, по которому бежали редкие облака, всё, аж до линии горизонта, затянуло свинцово-серым.

– Костя, остановись.

– Ну не сюда же его, Евгения Александровна.

Горозия отрывается от спинки, смахивает капюшон рукой и весь напрягается, будто готовый вцепиться в глотку тому, кто посмел ему возразить.

– Сюда не надо. И так не развернуться, – сглатываю я. – Пусть ребята его подберут. Да, Сергей Зурабович?

Горозия, чуть помедлив, кивает и, снова отвернувшись к окну, отдаёт ещё одно распоряжение:

– И температуру понизьте. Жарко, как в сауне.

Вообще-то нет. Но спорить я не решаюсь.

Глава 2

Серго

Ладно, каюсь. Может, переборщил. Может, в салоне не жарко вовсе. Может, виной всему чёртов свитер, в котором я прячу нездоровую синюшную бледность, выдающую сразу, что я сидел. Какого хрена меня это волнует – стараюсь не

думать. Все всё понимают: мне нечего стыдиться и не перед кем оправдываться. Да я и не стал бы, но... Не хочу, чтобы меня видели таким. Единственное, что я не учёл – что жарко будет настолько. Как-то в последнее время погода не сильно радовала нас теплом. Лето, а ты только посмотри – холодрыга. Хорошо, если плюс пятнадцать. А от наползающей с болот сырости, кажется, и того холодней. Всё в грибке и чёрной, невыводимой плесени. Мне её вонь теперь всюду чудится. Или это от меня несёт? Прячу нос в горловине. Я под свитером мокрый как мышь. М-да... Стискиваю зубы и отодвигаюсь от своей, блин, помощницы ещё на пару сантиметров. Чтобы её никогда эта вонь не коснулась. Чтобы вонь не достигла носа той, кто привык ко всякому там лимитированному парфюму. Его-то я сразу уловил, что тебе собака-ищейка. И ведь вполне возможно, в жар меня бросил именно этот сбивающий с ног аромат. Тонкий, многогранный, неопиcуемый... Вон, даже крылья носа подрагивают. Будто мало ему. Будто ещё и ещё надо... Этот запах прежней жизни хотелось нюхать, как кокаин. Нет, зрять, давась. Пока не придёт насыщение.

Кстати, насчет последнего – время к обеду, зарпортовались с моими бумажками, а привыкший к жизни по строгому расписанию желудок уже даёт о себе знать. Но этот голод едва ли сильнее другого, того, что в меня вгрызся минутой ранее и всё никак не отпускал. Перестать бы об этом думать, но я, напротив, отматываю память чуток назад.

Зрение уже не то, что раньше, но Лёшку-петуха, которого на зоне пользовали все кому не лень, я замечаю издали. Там, за колючкой, с такими возиться – вредно для кармы. Это правило, которое усваиваешь быстро. Но сейчас – какого чёрта? Кто мне и что предъявит?

– Остановитесь, – отвыкшее отдавать приказы горло царапает каждое слово.

– Зачем? Что такое? – выныривает из своих дум Евгения, мать её, Александровна.

– Парня подберём.

Она оглядывается, придерживаясь рукой за спинку шикарного кожаного дивана. Так, что теперь её грудь с напряжёнными какого-то хрена сосками, выступающими под блузкой, располагается аккурат вровень с моими глазами.

– Это ваш друг?

– В зоне нет друзей. Да остановите вы чёртову машину! До города хоть его подбросим. Ливень заходит.

В моём голосе через край раздражение... В штанах – через край тесно.

– Костя, остановись.

– Ну не сюда же его, Евгения Александровна.

Я, может, и отвык отдавать приказы, но к такому игнору привыкнуть не успел. Напряжение сковывает тело. Я подрываюсь.

– Сюда не надо. И так не развернуться. Пусть наши ребята его подберут. Да, Сергей Зурабович?

Это было невероятно, но ей удалось меня успокоить, просто ко мне обратившись. Вот тогда-то я и ляпнул за каким-то хреном:

– И температуру понизьте. Жарко, как в сауне.

А она теперь, вон, едва не стучит зубами. И мне даже не нужно смотреть на свою... помощницу, чтобы понимать – её соски под тонким шёлком напряглись сильнее. Если это вообще возможно.

Убедившись, что Лёшку благополучно подобрали, откидываюсь затылком на подголовник. Веду ладонью по бритой почти под ноль голове. Волосы отрастут быстро. А вот как скоро я привыкну к новой стрижке – вопрос.

– Что конкретно от меня хотят? – оказывается, пальцы помнят, где расположены нужные кнопки. Жму, отделяя нас от водителя перегородкой. Не то чтобы я сомневался, что у этого разговора и без него хватает свидетелей...

– А вы как думаете?

– Я предпочитаю не гадать, – рявкаю, не скрывая раздражения. Евгения Александровна и бровью не ведёт.

– Не знаю, слышали ли вы, но страна вошла в эпоху банковских переделов... – Молчу. Она, ничуть не смутившись, продолжает: – ЦБ одобрил слияние аж трёх крупных банков. Причём речь идёт не о продаже одного банку другому, а о процедуре слияния. Одним из них де факто уже несколько лет владеет ЦБ и финансирует его санацию...

– Послушайте, Евгения...

– Александровна.

– Александровна. Даже в тюрьме есть телевизор, я в курсе того, что происходит.

– Ну тогда вы понимаете, что специалисты вашего уровня теперь на вес золота. Вам предлагают возглавить рабочую группу, которая займётся вышеуказанными процедурами. Негласно.

– Конечно же, – усмехаюсь невесело, хотя по большому счёту мне откровенно насрать, по какой причине я вышел раньше срока. Главное, что это произошло. Не без помощи Евгении... Александровны. Хотя, вероятно, и без неё сие знаменательное событие рано или поздно случилось бы.

Прохожусь по её лицу беглым взглядом. Глаза спрятаны за тёмными стёклами очков, чуть вздёрнутый нос. Рот как рот. Но меня всё равно клинит. А трепещущая жилка на шее манит, словно я вампир. Хочется её коснуться носом и дышать, дышать... пока не отпустит.

– Ещё какие-нибудь вопросы? Или отложим их на потом?

– Нет вопросов.

– Пожелания?

Она поворачивается ко мне. И голос, главное, такой ровный... Не пойму собственных чувств. Я то ли злюсь на неё за эту холодность, то ли искренне недоумеваю. Осознание того, что бывший зэк – совсем не такое счастье, как успешный топовый чиновник, приходит запоздало. Предпочитаю думать, что это виртуозная игра с целью поддержания моей легенды.

- Пожелания? – вздёргиваю бровь. – Да, я бы не отказался от нормального обеда.

-обеда? – она всё ещё в очках, но мне кажется, что там, под стёклами, её глаза округляются.

- А что? С этим какие-то проблемы?

Она закусывает чётко очерченную губу и косится на недешёвые часики на запястье.

- Нет. Никаких проблем. Но я раньше не бывала в этих краях и понятия не имею, где здесь можно нормально поесть.

- Да вон, вроде нормальное заведение.

- Шутите? Это же придорожная забегаловка.

- Мне доводилось есть в местах и похуже. – Неожиданно накатывает усталость. Я снова жму на кнопку и, когда стекло опускается, командую: – Остановите у ресторана.

Краем глаза замечаю, как она кивает. От этого волосы падают ей на грудь, будто лаская. Я стискиваю зубы. То, что ей приходится давать добро на каждую мою просьбу, бесит. Да всё бесит по факту. Я думал, что будет легче.

Выходить в жару нет никакого желания. Но жрать реально хочется так, что начинает подташнивать. Тормозим прямо под огромной деревянной вывеской «У Мыколы». Хлопают дверцы. Аромат борща сбивает с ног, стоит только выйти из тачки. Я иду на него, как бурундук Рокки из древнего Диснеевского мультика на сы-ы-ыр-р-р. В какой-то момент забываю даже о своей спутнице. О хороших манерах вспоминаю, лишь когда пальцы касаются прохладной ручки двери, ведущей внутрь. Пропускаю Евгению Александровну вперёд. Не знаю, что пахнет лучше. Или кто...

Девочка-официантка выбегает из-за стойки, радостно сверкая глазами, но её улыбка в значительной мере блекнет при виде меня. Может быть, она гадает, что связывает такую женщину и такого... мужчину. Остаётся лишь плотней

сжимать зубы, чтобы её не одернуть. Ее любопытство понятно. Мы же в провинции.

- Нам бы столик у окна. И два меню.

- Да, конечно.

Два заламинированных листа, что спустя минуту ложатся на аутентичный рушник, покрывающий тяжелый деревянный стол, меню назвать можно если только с натяжкой.

- Мне борщ со сметаной, нарезку, жаркое... А компот с чем?

- Со свежими ягодами.

- Давайте. И водки, - заключаю, откладывая меню в сторону.

- Сколько водки-то? - вздыхает девица.

- Графин.

- Хлеб нужен? Пампушки? У нас вкусные, с чесноком и зеленью.

- Обязательно, - включается в диалог Евгения. - Штук шесть, да? - это ко мне. - Я тоже буду борщ. А холодец у вас настоящий?

- Самый что ни есть.

- Тогда холодец с хреном.

Чёрт. Ей удаётся меня удивить. Смотрю на Евгению Александровну чуть дольше, чем это следовало, и вдруг натываюсь на такой же изучающий взгляд усевшихся чуть поодаль от нас охранников.

- А фамилия, Евгения Александровна, у тебя есть?

Наверное, до неё доходит, что сидеть в помещении в солнцезащитных очках не самая лучшая идея. Она не спеша их снимает и, не глядя на меня, отвечает:

- Конечно. Воскресенская.

И вот, наконец, она поворачивается и... Наверное, она и носит очки, потому как знает, насколько отталкивающим её взгляд кажется окружающим. Под ним вмиг становится неуютно, как под рентгеном. Обычно так смотрят понравившееся кино, но никак не на человека. Да и вообще они какие-то ненормально большие. Её глаза... Подавив в себе желание отвернуться, бросаю:

- Воскресенская? Дочь самого Александра Николаевича?

- Александр Николаевич - мой отчим.

- Вот как? Тогда почему вы сами не возглавили этот проект?

- Потому что это слишком ответственное поручение.

- Неужто кто-то сомневается в вашей компетентности?

Евгения крутит в руках солонку.

- Всё дело в возрасте. Считается, что я для этого слишком молода.

Так-так, похоже, моя новоявленная заместительница намекает на мой возраст? Весело.

Приносят еду. Рублю борщ и исподтишка за ней наблюдаю. То, что она берёт ложку и начинает есть, становится для меня полной неожиданностью. Думал, побрезгует. Наливаю водку себе и, подумав, ей.

- Ну, за родителей?

Тоже думал - не станет пить... А она, чуть помедитировав над рюмкой, лихо опрокинула горькую вслед за мной.

– За родителей. Кстати! – щёлкает длинными пальцами. – Я же совсем забыла. Меня просили передать вам телефон. Вдруг вы захотите связаться... – Я резко вскидываю взгляд, мол, осторожно! Евгения кусает щёку и скомкано заканчивает: – Ну, я не знаю. С кем-нибудь захотите. С родителями, если те живы, или с друзьями. Вот, сейчас... – открывает сумочку, достает последней модели айфон.

Я медлю перед тем, как протянуть за ним руку. Ловлю на себе очередной любопытный взгляд официантки. Даже интересно, что она обо мне подумала. Что я жигало, который зачем-то примерил на себя роль бомжа? Губы кривятся в ироничной улыбке. Привстаю, подаваясь бёдрами вперёд, и засовываю телефон в карман джинсов. Может, я выдаю желаемое за действительное, но в процессе этой возни мне кажется, будто взгляд помощницы на секунду задерживается на бугре в моем паху. Наши глаза встречаются, и я понимаю, что ошибся. Она выглядит абсолютно равнодушно. С таким же успехом меня могло здесь и не быть.

– Телефон – это хорошо. Но я хотел бы увидеться с матерью лично.

– Боюсь, сейчас это невозможно.

– Кто это решает? Я хочу поговорить с ним.

Нет, я не думал, что меня так спокойно отпустят в другую страну, но... Я у матери единственный, очень поздний ребёнок. Сколько лет жизни ей стоила моя отсидка – я даже думать не хочу. Кажется, её голос становится всё слабее день ото дня. Я почти уверен, что если не потороплюсь – опоздаю, и это меня грызёт, пожалуй, больше всего другого.

– Сергей Зурабович, давайте мы сейчас отложим этот вопрос и сосредоточимся на деле. Если оно сдвинется с мёртвой точки, можно будет о чём-то говорить, а пока...

А пока скажи спасибо, что тебя выпустили.

Будь оно всё проклято! Наливаю себе ещё и махом осушаю рюмку. У Евгении пиликает телефон, она косится на экран и на миг её губ касается нежная... такая нежная улыбка.

– Что ты заканчивала? Где набиралась опыта? – резко интересуюсь я. Евгения вскидывает равнодушный взгляд и ровным тоном оглашает, так сказать, весь список. Список впечатляет.

– И знаете, я ведь даже в вашем офисе успела отметиться, – неожиданно замечает она в конце. Я сильнее сжимаю в руках приборы. В зоне нож нам, естественно, не полагался, и прямо сейчас в руке он ощущается абсолютно чужеродным предметом.

– Каким же образом?

– Я у вас стажировалась.

– Правда?

– Целых три месяца.

– Не помню, – отрезаю я и тянусь за графином, чтобы выплеснуть в рюмку остатки. Пью. Водка уходит, словно в пустую землю.

– Неудивительно. С вами работала большая команда профессионалов. А меня допускали разве что к ксероксу.

– Неужто для дочери самого Воскресенского у меня не нашлось стоящей работы?

– Не-а. Но я не в обиде. На деле протекция отца мне лишь всегда вредила. – Евгения отставила в сторону тарелку с недоеденным холодцом. – Вы всё, Сергей Зурабович? Времени у нас не так много.

– Куда-то спешишь?

– Да. Меня дома ждут.

Евгения

Я упоминаю о своей стажировке в офисе Горозии не случайно. Мой отчим в курсе, что я начинала именно там. В конце концов, он сам меня туда и пристроил. Если ему передадут... точнее, когда ему передадут, о чём мы говорили с Сергеем Зурабовичем, отец наверняка задастся вопросом, почему я не упомянула об этом факте в нашем разговоре, когда оно само собой напрашивалось. Так что, да. Всё неспроста. Что ж ты волком на меня смотришь? Я, чёрт его дери, не дурочка. И отдаю отчёт тому, что делаю, что говорю... Я каждый свой шаг, взгляд, каждое своё слово держу под контролем. Неужто тебе непонятно?

- Ах да. У меня же еще ваша карта, - отмираю я и снова ныряю в сумочку.

- Какая карта?

- Зарплатная, - усмехаюсь. - Здесь ваш аванс.

- Лучше бы мои счета разблокировали, - ворчит Горозия, подслеповато щурясь.

- Не всё сразу, Сергей Зурабович. Поверьте, здесь достаточно средств на то, чтобы... эм... как-то обжиться.

Горозия хмыкает. Жестом подзывает официантку и велит ей принести счёт. Платит сам, остановив мой порыв разделить счёт поровну злым взглядом. Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

У кафе нас поджидает несколько журналюг. Этого стоило ожидать. Уж больно у нас приметные машинки. Вспышка камеры слепит прежде, чем охранники оттесняют особенно настырных. Я поворачиваюсь к Горозии, злость которого чувствую так, будто она материальна. Внешне же он остается спокойным.

- Возможно, зря мы вышли, - признаю с досадой, когда мы с ним располагаемся в салоне «Мерседеса».

– Что ж теперь – не есть? – цедит он.

Наверное, это дико сложно – зная, что ты ни в чём не виноват, зная, что тебя просто сделали козлом отпущения, терпеть такое. Впрочем, пойми тут, как ему, пробейся через эту стену... Хрен ведь получится.

Остаток дороги проходит, считай, в тишине. Выпитая водка вкупе с дикой усталостью и нечеловеческим напряжением, в котором я живу вот уже несколько месяцев, наливает веки тяжестью. Находясь на грани яви и сна я, тем не менее, очень остро ощущаю его присутствие. Наши руки лежат совсем рядом. Стоит чуть пошевелить пальцами – и я смогу убедиться, так ли груба его кожа, как кажется. Но, конечно же, ничего подобного я не делаю.

Ещё через полчаса Костик сбрасывает скорость и мы останавливается возле дома Горозии. По условиям УДО ему необходимо жить по прописке. Эта квартира – единственное, что ему осталось после судов и развода. И то, насколько я могу судить, часть в ней принадлежит его бывшей жене. По моему распоряжению там к его приезду убрались и забили холодильник продуктами. Даже жаль, что не могу вместе с ним подняться и посмотреть на то, как он отреагирует на свое возвращение домой.

– С вами пойдет Иван Васильевич. Расскажет, что да как, выдаст пароль от Wi-Fi.

– Кто такой Иван Васильевич? – сощуривается Горозия.

– Ваш личный помощник и водитель в одном лице. Все свои просьбы и пожелания вы можете адресовать ему. Он вам с радостью во всём поможет.

Пальцы Горозии ложатся на ручку двери. Но вместо того, чтобы выйти, подхватив злосчастный пакет, он оборачивается ко мне:

– Что, даже девочек организует?

Меня словно током бьёт. Переглядываюсь с Костилом, что пристально на меня смотрит в зеркало заднего вида, и равнодушно, даже с некоторым недоумением веду плечом:

– Почему нет? Если нужно.

Хрен ты меня шокируешь.

Горозия хмыкает и всё же открывает дверь.

– А свой телефончик не оставишь? Вдруг мне в голову придёт какая-то идея по работе?

– Мой телефон, как и телефоны других сотрудников, вбит в память вашего в разделе «коллеги».

Сергей Зурабович, играя желваками, кивает и отходит, двигаясь стремительно, как лев. Одна машина из нашего кортежа остаётся во дворе его дома. Две других, в том числе мой «Мерседес», срываются с места и уносятся прочь.

– Сразу видно – крутой мужик, – комментирует Костик.

– Да? – не выказав никакой заинтересованности в этом разговоре, отворачиваюсь к окну.

– Угу. Все по-нашему: пожрать, выпить, а потом и бабу, – смеётся водитель. – Не мудрено. Без бабы на зоне тяжко.

– А ты в этом большой специалист?

– Ну, в армейке пришлось год помаяться.

Вот уж какую тему мне не хочется развивать.

– Кость, ты возле магазина меня выброси, ага? Я, похоже, опять Нинусе «Киндер» задолжала.

– Вы бы уже ящик купили, Евгения Александровна.

Рассеянно киваю. Может, это и впрямь был бы неплохой выход, принимая во внимание то, что мы с дочерью договорились – за каждое своё позднее возвращение домой я ей покупаю сладость. А учитывая, сколько времени мне приходится торчать на работе... Да, ящик «Киндеров» мог бы стать неплохим подспорьем. Хоть в магазин не придётся бегать, когда от усталости хочется лишь одного – налить себе бокальчик, залезть в ванну и под Шопена полежать с полчаса в обжигающе-горячей воде. После этого все косточки в теле – как холодец, которым я сегодня обедала.

Паркуемся, иду в магазин. Народу немного, но работает всего одна касса и всё равно приходится постоять. А дома меня уже ждут. Стоит мне переступить порог, как навстречу мне из гостиной выбегает Нинусик:

– Ага! Вот она, наша блудница!

– Чего? – я открываю рот. – Ты где такое слово услышала? – Не зная, плакать мне или смеяться, перевожу взгляд на дочкину няню, которая ей осталась в наследство от меня. – Катя?

Та растерянно разводит руками. Мол, я вообще ни при чём. А Ниночка, словно не замечая нашей реакции, подлетает ко мне и, обхватив за ноги, утыкается лбом в бедро.

– А я тебя всё жду и жду! Мне тебе срочно нужно кое-что показать.

Сердце сжимается от нежности. Блаженно жмурюсь и веду по медным волосам дочери пальцами.

– Нинусь, ты маме хоть поесть дай да в себя прийти после работы, – возмущается Катя.

– Но для начала расскажи, почему это я блудница? – замечаю, с облегчением избавляясь от туфель.

– Ну как же? Ты же везде блуждаешь! – прыгая на одной ноге, поясняет моя непоседа. Я откидываю голову и смеюсь:

- Это слово имеет совсем другое значение.

- Да? Как нелогично. И что же оно означает?

Озадаченно морщю лоб. Нине как всегда ловко удаётся припереть меня к стенке.

- Я тебе расскажу, когда ты чуточку подрастёшь, - навожу тумана. - А пока лучше бы тебе избегать этого слова вовсе.

Пресекая вопрос Нинуськи - «а почему?», я достаю из сумочки «Киндер». Так сложилось в нашей семье, что я не слишком балую дочь. И этот подход к воспитанию даёт свой результат - любая мелочь приводит Нинуську в восторг.

- Спасибо! Ну теперь-то ты посмотришь, как я умею? - нетерпеливо интересуется она и делает колесо. С тех пор, как моя дочь освоила этот трюк, колесо она предпочитает любому другому способу передвижения по квартире. Я широко улыбаюсь и плетусь вслед за ней.

- Вскипячу чайник, - ставит меня перед фактом Катя. Я благодарно киваю и опускаюсь на широкий диван, отделяющий гостиную от зоны кухни. Следующие минут пятнадцать Нинуська развлекает меня своими танцами. Она довольно высокая для своего возраста, и может потому, а может, по какой-то другой причине, грациозности в ней примерно столько же, сколько и в новорождённом жеребёнке. Зато её отсутствие компенсирует завидный энтузиазм. Уж этого добра в моём чаде с избытком. Трудно найти более упрямого и неунывающего ребёнка.

- Великолепно! - с восторгом резюмирую я, когда Нина останавливается, чтобы перевести дух, и тут же, исподтишка на неё напав, затаскиваю к себе на диван и щекочу, щекочу... Нинуська смеётся, и я тоже смеюсь - запыхавшись, она сопит, как возмущённый ёж. Касаюсь носом взмокших медных прядей, налипших ей на лицо, делаю глубокий вдох. Младенцем она пахла совсем иначе. Как же быстро уходит время! Кажется, что я за ним совершенно не успеваю и упускаю что-то по-настоящему важное.

- Нинусь, - шепчу я, - а давай бросим всё и рванём куда-нибудь на край света?

Катя оборачивается, так и не донеся до стола блюдо с пирогом, и удивлённо вздёргивает брови. Знаю-знаю, неожиданно! И необдуманно тоже...

– Ну ты что мам? Мы ведь это уже обсуждали. Я не могу. У меня репетиции и Толик.

Аргумент. У моей дочери, в отличие от меня самой, с личной жизнью полный порядок. Но кое в чём мы с ней всё-таки совпадаем. Если верить Кате, нас магнитом притягивают бедовые парни. Толик – как раз такой. Бедовый. Даже его матери трудно вспомнить, какую кость он ещё не ломал, и где у него нет шрама. Неприятности следуют за Толиком по пятам. И, как ни странно, делают его ещё более привлекательным в глазах подружек по песочнице. Прибавьте к этому симпатичную мордашку, белобрысый, дыбом стоящий ёжик волос, шрам, пересекающий бровь, – и вот уже перед вами главный сердцеед на районе.

– Как он поживает? – улыбаюсь я.

– Ой, мама, Толик как Толик, – не по-детски обречённо вздыхает Нина, отчего мы с Катей смеемся так долго и громко, что начинают болеть животы.

– Ну и чего смешного? – хмурится Нина.

– Ничего. Это мы так... Топай уже в ванную. Я тоже хочу помыться.

Смыть с себя этот день. Его липкость и ароматы.

Нинуська уходит. Я помогаю Кате убрать со стола. Ей уже нелегко одной справляться и с хозяйством, и с моей непоседливой дочкой. Но когда я пытаюсь представить кого-то другого на её месте, всё во мне тому начинает противиться.

– Кать, может, все же наймём тебе помощницу?

– Ни за что, – хмурит она седые брови. – Или тебе что-то не нравится?

Катя не может скрыть беспокойства в голосе, как ни старается. Я трясую головой:

- Нет, что ты. Просто дел ведь у тебя - вон сколько. Может, всё-таки посмотришь кандидаток?

- Нет, - упрямится. - Молодые - все безответственные. Ничего не могут.

- Ну, как знаешь. А я сегодня, между прочим, холодец ела. Помнишь, ты давно-давно готовила на Рождество?

- И где ж тебя холодцом кормили?

- А, в забегаловке одной... Вкусный был. Катя...

- М-м-м?

- А ты чего со мной больше на украинском не говоришь?

- Так ведь Александр Николаич всегда на это злился. Я так боялась, что он меня выгонит с волчьим билетом, когда ты стала на суржике балакать. Помнишь? И что тогда? Совсем бы ты одна-одинёшенька без меня осталась.

- Ты уже давно не работаешь на Александра Николаевича.

- Отвыкла! - Катя машет рукой, а я и хотела бы что-то добавить, да из ванны выскакивает Нинуська и снова заполняет собой весь эфир. Что хорошо, с появлением дочери одиночество мне больше не грозит. Тут хоть бы полчаса урвать для себя любимой. Я ведь совершенно чокнутая мамаша, которая больше всего в жизни боится чего-то там недодать, как недодали мне в свое время. Но также выдержать баланс, не став этакой душнилой. Вроде пока получается.

Уединившись в ванной, стаскиваю с себя одежду. Бросаю в корзину, погружаюсь в обжигающе горячую воду. Телефон на всякий случай кладу на небольшой круглый столик, приставленный к ванне - банальная перестраховка. Я не думаю, что отчим потребует от меня отчёта уже сегодня. Горозия, кем бы он ни был, не входит в круг его первоочередных интересов. Тут не стоит питать иллюзий. Впрочем, это также не означает, что меня не подвергнут допросу в самом ближайшем времени. Как только у папеньки появится свободная минута. Например, за завтрашним обедом. Есть у нас в семье такая идиотская традиция

– раз в неделю собираться за одним столом, будто мы охренеть какие дружные ребята. Почему-то мне кажется, что в такие моменты отчим представляет себя потомственным дворянином. Хотя никаких дворян у него в роду, конечно же, не было. Может, этот факт и не дает ему покоя, не знаю. Понимаю только, что нормальному человеку без комплексов не нужны помпезные замки, «Ролс-Ройсы» и эти показательные обеды на огромной лужайке, спроектированной специально приглашёнными из Лондона умельцами.

Интересно, а чем сейчас занят Горозия? Может, тоже, как и я, отмокает в ванне? Или же он решил проверить исполнительность Ивана, поручив найти ему шлюху? Будто желая смыть с себя эту мысль, я с головой ухожу под воду. Плевать. Мне на всё плевать. И всё же... Интересно, какую женщину он выберет, чтобы покончить со своим вынужденным целибатом?...

Глава 4

Серго

Я застываю на пороге собственной квартиры, будто опасаясь, что внутри притаился какой-то хищник. Может, так оно и есть. Воспоминания – те ещё шакалы. Уж мне ли не знать, как они исподтишка вгрызаются в тело и не отпускают, сколько ни бейся. И всё ж у этих зверюг нет цели убить свою жертву, их задача – сделать её жизнь невыносимой. Поэтому, окончательно измотав бедолагу, воспоминания-шакалы вытаскивают зубы из плоти и растворяются в свете дня. Всё ж шакалы – преимущественно ночные звери.

Делаю глубокий вдох, ожидая, что на меня обрушится вонь запустения. Но ничего подобного не происходит. Пахнет хорошо, хоть и незнакомо. Какой-то полиролью и свежестью. Переступаю порог. Щёлкаю выключателем.

Здесь всё по-прежнему роскошно, сказывается вкус моей бывшей. Кажется, вот сейчас навстречу мне выбежит Нико и с криками «Папа! Папа!» бросится мне на шею. Ему теперь двенадцать. А когда меня из этой самой квартиры забрали, Нико было, соответственно, шесть. Чем он жил всё это время? Кем он стал?

Веду пальцами по полке для мелочи – ни пылинок. Кто-то позаботился о том, чтобы мне не пришлось убирать. Так трогательно.

Оборачиваюсь к следующему за мной по пятам водителю. Он захлопывает дверь. Ах, да... Вот и изменения. Дверь-то новая. Маски-шоу ко мне ворвались с огоньком. Даже не потрудившись позвонить, они сходу начали срезать дверные петли болгаркой. Шум стоял адский. Это всё, что я помню отчётливо: шум и перепуганные лица домашних. Остальные нюансы той ночи почему-то поблёкли и вытерлись из моей памяти, хотя сколько тут прошло? Не так уж и много, в общем-то. Хотя, конечно, как посудить.

– Вы можете быть свободны. А я, пожалуй, здесь осмотрюсь и прогуляюсь, – смотрю на водилу искоса. Ну, давай. Давай, скажи, что я не имею права.

– Хорошая мысль. Только постарайтесь оставаться в черте города, выезжать за его пределы вам нельзя по условиям УДО.

– Я помню.

– Хорошо. Вот тут на полке пароль от Wi-Fi. Мой номер вбит в вашу телефонную книгу. Звоните в любой момент. Есть желание куда-то поехать завтра?

– Я ещё не думал об этом. Если что – наберу.

Иван уходит, я разуваюсь и падаю в гостиной на диван. Wi-Fi мне сейчас и на хрен не нужен. В телефоне нормальный мобильный интернет и пока его более чем достаточно. Тру лицо ладонями. Так странно. Я думал, что буду чувствовать себя лучше. Но... Похоже, состояние узника не зависит от размеров его клетки. Толку, что моя расширилась на целый многомиллионный город? Впрочем, есть в этом и свои преимущества. Комфорт... Я веду ладонью по шёлку, которым обит диван. И снова почувствовав жар, наконец, избавляюсь от осточертевшего свитера. Подумав, стягиваю с себя и остальную одежду. Не жалея, выбрасываю в мусор. Корзина стоит на прежнем месте под мойкой. Всё вообще по-прежнему, да. Я упоминал... Только пусто. Во всех смыслах.

– Куда-то спешишь? – всплывает в памяти.

– Да. Меня дома ждут.

Интересно, кто?

Залезаю под душ. Блаженно морщусь, потому что вода действительно горячая. На зоне считается большой удачей, когда та хотя бы не ледяная. Долго стою под упругими сильными струями, не потрудившись намылиться. Кайф ведь... Чистый кайф. Спустя какое-то время беру флакон с гелем для душа. Выливаю на новенькую, весёлого ярко-жёлтого цвета мочалку, с остервенением принимаю себя тереть... И только тогда понимаю, что этот гель – тот самый, которому я отдавал предпочтение в своей прошлой жизни. Подношу мочалку к носу и делаю глубокий вдох. Всё верно. Не ошибся. И марка та же. Можно было бы предположить, что флакон сохранился ещё с тех времён, но это глупо. Тем более что он полон – я специально проверил, взвесив в руке.

Сложно представить, кому и на какой чёрт понадобилось вникать в такие детали. Я быстро домываюсь, растираю бледное тело шикарным баннным полотенцем и выхожу, обмотав бёдра.

Обед давно утрясся, хотя я поел достаточно плотно. Мелькает мысль заказать доставку – рекламные проспекты с контактами предусмотрительно оставили на журнальном столике, но я за каким-то хреном прусь к холодильнику и дёргаю на себя ручку. Чего тут только нет! Сыры, колбасы, балык. Какие-то рулетики, яйца, бекон. Зона свежести забита под завязку овощами, в ещё одном контейнере – фрукты. Достая всё, что могу за раз унести. Тянусь к разделочной доске и на всякий случай – ну мало ли, чем чёрт не шутит? – открываю винный холодильник.

– Бинго.

Небогато, но пару бутылок кто-то заботливый для меня все ж купил.

У меня незнакомо щекочет в носу. С остервенением растираю двумя пальцами переносицу – вдруг поможет? И как Золушка, которая боится, что вот-вот её карета превратится в тыкву, принимаюсь жадно есть всё, что успел достать. Засовываю в рот кусок изумительного хамона, ломоть сулугуни, откусываю помидор... Выдвигаю ящик – память услужливо подбрасывает нужные координаты, – достаю штопор. Минута – и бутылка великолепной «Хванчкары» открыта. Пью прямо из горла. И снова набиваю рот балыком. Наевшись досыта,

подхватываю бутылку и отправляюсь в пеший тур по квартире. В нашей с Викой спальне не задерживаюсь, а вот в комнате сына сползаю по стене на пол и смотрю, смотрю... На брошенные игрушки... На лего, установленную на специальном столе железную дорогу – мой подарок Нико на пять лет. Почему Вика их не забрала при переезде? В носу опять возникает то странное чувство покалывания.

Я поднимаю задницу с пола и шагаю к шкафу. Штаны, шорты, майки... Школьная форма с логотипом одного из крутейших столичных лицеев. Нико как раз пошёл в первый класс, да... Сгребаю майку и подношу к носу. Нет... Ничего. Пахнет залежавшейся тряпкой. Тут запустение чувствуется. Хотя и в этой комнате тоже навели марфет и даже вымыли окна – вон как они сверкают. Огромные, от пола до потолка, с видом, который стал тем самым решающим доводом, подтолкнувшим меня купить квартиру именно здесь. Теперь же мне кажется, что дом стал бы гораздо более разумной покупкой. По крайней мере из дома я мог бы выйти в сад, чтобы не чувствовать своего одиночества так остро. Здесь же я будто золотая рыбка в аквариуме.

Взгляд останавливается на фото в рамке на тумбочке в изголовье кровати. На ней я и Вика с новорождённым Нико. Интересно, я бы чувствовал себя лучше, если бы она меня дождалась? Да ну. Бред какой-то. Я и женился-то на ней по залёту. Казалось, почему бы и нет. Тридцать два уже, вроде самое время остепениться. А тут девочка подходящая. Из хорошей семьи. Отсутствие каких-то пылких чувств я не считал таким уж аргументом «против» хотя бы потому, что дожив до тридцати двух так ни разу и не влюбился. В общем, сыграли свадьбу и зажили. Ну так... Ни плохо, ни хорошо. Я работал как проклятый, так что земля подо мной горела. Блядовал, чего уж скрывать. А Карина вела тот образ жизни, к которому привыкла, имея витрину в виде успешного мужа и умницы-сына, что позволяла ей поддерживать свой статус среди подруг. Я очень хорошо понимал, что нас держало вместе, и не питал иллюзий. Поэтому, когда случилась вся эта заваруха, я, облегчая ей выбор, сам подал на развод. И ни разу об этом не пожалел. Другое дело – Нико... Позвонить бы ему. Узнать номер наверняка будет не трудно. Но что сказать? «Привет, сын, я твой папа. Вот, откинулся с зоны»? Да чтоб его!

Выхожу из детской, от души шандарахнув дверь. Замираю у высокого зеркала в коридоре, впервые за много лет увидев себя в полный рост. Самопроизвольно с губ срывается свист. А я здорово раскачался на зоне. Пожалуй, не влезу ни в один свой костюм. Кстати, о них. Иду в гардеробную. Та больше чем наполовину

пуста. Раньше основную её часть занимали наряды Карины. Теперь же здесь преимущественно моё барахло. И только парочка каких-то пёстрых платьев. Очевидно, давно вышедших из моды.

Нахожу тонкие треники, самую широкую футболку, одеваюсь и выхожу на улицу. Здесь, вне стен, одиночество даже в кайф. Брожу по вымершим дорожкам парка, заглядываю в витрины закрывшихся после полуночи ресторанов, вдыхаю пустоту улиц, тишину уснувших дорог. Торможу у метро. Я бы сейчас с радостью проехался в пустом вагоне, но метро уж давно закрыто. Фонари заливают яично-жёлтым темноту аллея, ветви старых могучих деревьев плетут над головой затейливое кружево. Я блуждаю в колышущихся тенях, которыми оно устилает мой путь, и гоняю мысли по кругу.

– И знаете, я ведь даже в вашем офисе успела отметиться... Я у вас стажировалась.

– Правда?

– Целых три месяца.

– Не помню...

Зачем я у неё спросил про шлюх? Чего этим добивался?

В окутавшую меня тишину врываются тихие голоса, шёпот, шорох... На скамейке чуть в стороне целуется парочка. Девушка в позе наездницы сидит на парне. Одна его рука на её бедре, вторая – запуталась в волосах. Я замедляюсь, не в силах оторвать от них взгляда. Вот она – нормальная беззаботная жизнь. Не знаю смогу ли я теперь так же...

«И знаете, я ведь даже в вашем офисе успела отметиться...» – опять её голос.

Нет, конечно, всё правильно. Об этом нужно было упомянуть. Откуда ей было знать, что со мной эти слова сделают? Сколько выпустят наружу никому не нужных воспоминаний.

То, что нам в офис сосватали дочь Воскресенского, просто не могло пройти незамеченным. Я к тому моменту уже понимал, что меня хотят слить. Только не понимал ещё, каким образом. Поэтому каждый новый человек в моём окружении попадал под самое пристальное внимание. И, конечно, может Женя того и не замечала, но я стал присматриваться к ней буквально сразу же.

Первая мысль – какая она некрасивая. И дело тут даже не в её угловатой фигуре, со всех сторон больше напоминающей доску, не в чертах лица, по отдельности вроде бы даже красивых, а в каком-то общем впечатлении, которое она производила, когда смотрела на тебя этими своими водянистыми глазами. Я одно время даже думал, что её спецслужбисты натаскивали. Ведь через эту водянистую гладь невозможно было пробиться. Она держалась ото всех в стороне. Была вежливой, но закрытой. В сплетнях не участвовала, на обед с другими не ходила. Она не пыталась понравиться или как-то иначе вписаться в коллектив. Казалось, ей было вообще похеру, что он ней подумают. Так, словно она не планировала задерживаться здесь надолго.

Конечно, я не верил, что ей в игре против меня отводилась центральная роль, но что какая-то роль отводилась – не сомневался. А там ведь помните, как говорят? Держи друзей близко, а врагов ещё ближе... Я полагал, что смогу разузнать нечто такое, что позволит мне выиграть время, и меня совершенно не волновали методы, к которым для этого придется прибегнуть.

И вот теперь – сюрприз-сюрприз... Она аж целая моя заместительница.

Хожу долго, пока не начинают гудеть ноги. Город просыпается. Навстречу мне едет первый трамвай. Наверное, зря я всю ночь прошатался. На этот день у меня куча планов. Начиная от посещения врача и закачивая походом по магазинам, потому что я не доставлю удовольствия своим врагам видеть меня не в форме.

С жутким скрежетом вверх поднимаются жалюзи на окне киоска с прессой. Шесть лет прошло, а он всё так же стоит. Невольно бросаю взгляд на выстроенные в ряд журналы. На одной из газет замечаю свою довольную морду шестилетней давности. Видно, новости о моем освобождении не один день занимают умы журналюг.

Гашу в себе желание скупить все газеты подчистую, чтобы их никто не увидел. Потому что это бессмысленно – в сети миллион моих фото, оттуда их точно не

выкорчевать. Да и карточку, что мне вручила Евгения Александровна, я не удосужился сунуть в карман. Хотел бы купить – так оплатить не чем. К чёрту!

Возвращаюсь домой, низко-низко опустив голову. Повсюду камеры, а журналюги в поиски сенсаций не поленятся поднять и их. Чувствую себя загнанным зверем, но по силе это и близко не такие эмоции, как те, что мне пришлось испытать шесть, нет, пожалуй, семь лет назад, когда земля под моими ногами задрожала. Ещё не сильно, но уже тогда я уловил то призрачное и пока необъяснимое ощущение надвигающегося конца. И начал к нему готовиться...

Глава 5

Евгения

Из-за дождя традиционный обед на лужайке приходится перенести в дом. Два дня небо хмурилось, чтобы сегодня пролиться на землю ливнем. Гляжу в окно, за которым беснуется непогода, и прикидываю, как бы отреагировали мои родственнички, если бы я, как хочется, выскочила из дома и побежала по лужам прочь.

– Максим, сынок, ты чего не ешь? Утка суховата? – кудахчет моя мать над пасынком.

Макса передёргивает. Судя по помятой роже моего сводного брата, у него жуткий бодун. В свои тридцать четыре он никак не уgomонится. Его жизнь – вечный праздник. Девочки, выпивка, клубы и наркота. Вспоминаю, как мне всегда его ставили в пример, и топлю в бокале улыбку.

– Я не голоден.

– Вот как? Тогда, может, десерт? Ольга приготовила тирамису с вишней. Как ты любишь.

– Я ж русским языком сказал, что не хочу есть!

– Он уже позавтракал коньяком, – небрежно замечает отчим, оттирая руки салфеткой. А ведь обычно, сколько я себя помню, всё его пренебрежение доставалось мне. Тут же... даже странно. Неужели до него что-то начало доходить?

– Ну, и? У меня законный выходной. Я что, не могу выпить? – становится в позу Макс.

– А то ты не бухал среди недели.

– На что это ты намекаешь?

– Так, дорогие мои, прекращайте, – вмешивается в разговор моя мать, но её попытка предотвратить конфликт напрочь игнорируется двумя сцепившимися баранами. Старым и молодым.

– На твои проблемы с алкоголем, конечно же. Вот скажи мне, ты ещё долго будешь меня позорить?

– Па, слушай, кончай. Мы что, собрались, чтобы поругаться? – вмешивается в разговор средний сын Воскресенского. Стасу не привыкать заступаться за старшего брата. Погодки, они с ним с детства не разлей вода. И хотя чисто по-человечески Стас намного более приятная личность, негативное влияние Макса не могло не наложить на него свой отпечаток. В детстве они изводили меня почти на равных. Словно соревнуясь в том, кто причинит мне больше боли и заставит горше плакать.

Теперь я часто задумываюсь, какой бы стала, если бы не это. Если бы братья не делали мне гадостей, если бы отчим меня по-настоящему любил... Если бы он не был так холоден и отстранён. Если бы так откровенно и нарочито не предпочитал бы мне своих по крови отпрысков. Если бы моя мать не жертвовала собственной дочерью в попытке доказать, что любит её наравне с пасынками и не больше. Если бы в мою неокрепшую детскую психику не вбили постулат, что я недостаточно хороша. Если бы это знание не проросло во мне больным, абсолютно неправильным ощущением того, что любовь ещё надо заслужить. Может, всё бы у меня сложилось иначе? Как-то... здоровей?

Может, я была бы не настолько закрытой. Может, больше бы доверяла людям. Может, смогла бы с кем-нибудь по-настоящему подружиться, ведь... господи, у меня и друзей-то толком нет!

- Женька, лучше ты что-нибудь расскажи.

Пять пар глаз устремляются на меня. Я равнодушно откладываю приборы в сторону.

- Что рассказать?

- Ну, не знаю. Что-нибудь. Как у тебя дела? Чем занимаешься? - интересуется Стас.

- Слышал, тебя Горозии в секретари сосватали, - подключается к разговору Максим. - Вот это я понимаю - карьера в гору. - Он гаденько ржёт.

- Так что рассказать? Вы, вон, - и бровью не веду, - уже всё знаете. Нинусь, хочешь десерт? Или пойдёшь поиграться с Багирой?

В моем невесёлом детстве есть один огромный плюс: струпья, покрывшие мои душевные раны, - броня, через которую мало кто может пробиться. Братья уж точно не входят в круг людей, кому это ещё по силам. С чего бы мне их разубеждать? Зачем бить себя пяткой в грудь и орать: «посмотрите, чего я добилась!»? Все всё понимают, как говорит один умный человек. И именно от этого понимания Макс бесится. Наверняка трудно смириться с тем, что лузерша-сестра обскакала тебя на повороте. Впрочем, мне плевать, я карьеру строю не для того, чтобы что-то им доказать.

- Как всё прошло, кстати? - хмурит брови отчим.

- Нормально. - Я помогаю Нинуське отодвинуть стул. Малышка щебечет:

- Спасибо, бабуля, спасибо дедуля, - и выбегает из столовой. Только её и видели. Кошка Багира - гораздо более интересная компания, чем куча скучных стариков. К тому же ещё и ругающихся.

– Нормально? И всё? Это твоя экспертиза? – недовольно поджимает губы Воскресенский.

– Экспертиза будет, когда мы вольёмся в работу. Сейчас рано о чём-то судить.

– Он тебя не вспомнил?

Внутренне я напрягаюсь, но мой голос звучит ровно, когда я отвечаю:

– Конечно, нет. В то время, как я на него работала, Горозия сидел так высоко, что до простых смертных ему не было никакого дела. Сомневаюсь, что он вообще меня замечал.

– Тебя довольно сложно забыть, однажды увидев, – сладко улыбаясь, замечает Макс. И, может, ничего такого в его словах нет. Для посторонних. Но я-то понимаю, что это очередная попытка меня задеть.

«Рыба! Рыба! Гу-ма-но-ид!» – звенят в ушах детские голоса.

Ловлю взгляд Макса над стоящим посреди стола букетом и, не мигая, держу так долго, что в конце концов он тушует и первым отводит глаза.

Наверное, мои обидчики здорово бы удивились, если бы тогда им кто-то сказал, что моей внешностью будут восхищаться все визажисты, к которым мне иногда приходится обращаться. Глаза, которые ребяшня называла рыбьими, профессионалов своего дела приводят в экстаз. Со мной обожают работать самые топовые стилисты. Между прочим, бесплатно, только чтобы я разрешила пополнить своими фото их и без того впечатляющие портфолио. Впрочем, к их услугам я прибегаю не так уж часто. Я же не модель и не какая-нибудь актриса. Хотя, если так разобраться, мне годами приходится играть самые разные роли. Я даже не знаю, в какой момент это началось. Наверное, когда я поняла, что интенсивность и изощрённость издевательств, которым меня подвергали братья, напрямую зависят от моей реакции на них. Вот тогда-то и стал проявляться мой актёрский дар...

– И то так. Но ты держи меня в курсе, если вдруг что, – замечает отчим, проигнорировав Макса напрочь.

- Ладно. Хотя я и не думаю, что с ним могут возникнуть какие-то проблемы.

- На чем основана такая уверенность?

- Горозия – крутой специалист, который вряд ли захочет вернуться за решетку. У него просто нет иного выхода.

- И то так.

Я возвращаюсь к остывшей утке. Допрос окончен, похоже, и можно хоть немного расслабиться. Что-то давно меня так не колбасило. Даже учитывая то, что в последние годы я хожу буквально по краю пропасти и уже вроде должна была приобрести иммунитет ко всякого рода волнениям.

Кажется, в последний раз меня так пробиравало накануне начала моей стажировки. К тому моменту я уже очень хорошо понимала, что желаемое гораздо легче получить, если всё обставить так, будто это хочется вовсе не мне, а отчиму. Будто это его обдуманное решение, а не блажь, возникшая в моей голове. Поэтому весь последний курс я методично и тонко готовила основу под то, чтобы у отчима и мысли не возникло, что я могу начать свой профессиональный путь где-то кроме офиса Горозии. Почему для меня это было так важно? Да потому, что увидев его однажды на каком-то экономическом форуме, прослушав его выступление, впитав бешеную энергию, что от него пёрла, буквально сбивая с ног, я впервые в жизни влюбилась. Так просто... Так сильно. С первого взгляда. Он стал мой наваждением. Слабо представляя, какими должны быть отношения в норме, я тем не менее, отчётливо понимала, что ни черта мне с ним не светит. Мои чувства были чистым мазохизмом. Я упивалась своей больной любовью к нему. Искала встречи. Чтобы урвать хоть что-то. Взгляд глаз цвета крепкой заварки... Отголоски его глубокого голоса. Едва уловимые нотки парфюма. Если повезёт – смех. Если нет – улыбку, обращённую к какой-нибудь другой женщине. Сейчас за это не то чтобы стыдно (не думаю, что с имеющимся бэкграундом мой первый опыт мог бы быть каким-то другим), скорее обидно за девочку, которая с таким отчаянием бросила себя к чужим ногам.

Я так старательно шифровалась, боясь, что Сергей Зурабович узнает о моих чувствах, так старательно отводила глаза, что даже пропустила момент, когда он обратил на меня внимание...

– Евгения, оставь ты эти тарелки! Сейчас всё уберут... – из задумчивости меня выводит голос матери.

– Да мне не трудно.

Мать явно раздражена. Ей не хочется заниматься всем этим бытом. Он её достал ещё тогда, когда она в одиночку обслуживала трёх мужиков и меня. Но делать нечего – она не может сидеть, когда я работаю. Даже интересно, когда мать в последний раз готовила что-то сама? Или закупалась продуктами. Пытаюсь представить маму с продуктовой тележкой в «Ашане» – и не могу.

– Саша стал совсем невыносим, – зачем-то мне жалуется на отчима. – Каждый раз закусывается с Максом. Я уж не знаю, что делать!

– Думаю, над этим стоит подумать Максиму, а не тебе, мам.

– На что это ты намекаешь?

– Ты знаешь. Ненормально, что он до сих пор сидит у отца на шее.

– Это потому, что ему нигде не дают проявить себя.

Ну да! Известная песня. Склоняюсь над мусорным ведром и счищаю объедки с тарелки в мусор. Экономка на заднем плане с отчаянием наблюдает за моими действиями. Смешно. Как будто она боится, что я её подсижу.

– Может, всё дело в том, что нечему проявляться?

– Ох, Женя! Только ты не начинай. Да, тебе повезло, карьера прёт в гору. Но ты ведь должна понимать, что далеко не всем так везёт.

Конечно же! Как я могла забыть? Ведь всё, чего я достигла, – везение и не больше. Внутри поднимается протест. Который я сглатываю, потому как сейчас для него не время.

– Слушай, Женя, а может ты бы его к себе забрала? Поручила бы какое-то направление. Чем ты там сейчас занимаешься?

Широко расставляю руки и сжимаю до боли в пальцах столешницу:

- Слиянием банков.

Трёх! Трёх системообразующих банков страны. «Чем я там сейчас занимаюсь»...
Да чтоб их всех!

- Ну вот. Поручи ему какой-то один.

- Вопрос кадров находится вне моей компетенции, - отмахиваюсь от матери. Не объяснять же ей, что вся суть слияния как раз и состоит в том, что останется только один банк. В этом весь смысл мероприятия.

- Ах, да... Главным будет этот уголовник, - мама брезгливо поджимает губы и, несмотря на количество ботокса в её лице, их кончики ползут вниз, образуя некрасивые брыли. - Знала бы ты, какой скандал я устроила твоему отцу, когда узнала, что он заставил тебя ехать в колонию! Он тебя не обидел?

- Кто?

- Ой, да не смотри ты на меня так! Меня до костей пробирает от твоего инопланетного взгляда! Я тебе о Горозии говорю, о ком же ещё. Он тебя не обидел?

- Зачем бы он стал меня обижать?

- Господи, Женя, ты как с Луны! Человек сидел в тюрьме. Мало ли что у него на уме? Вдруг он бы тебя...

- Что? - с трудом удерживаю на лице маску серьёзности.

- Набросился на тебя! Вот что. Изнасиловал.

Интересно, что бы сказала моя чопорная мать, если бы я ей ответила, что вряд ли ему это пришлось бы делать? Да помани он меня пальцем - я бы тут же упала на спину, готовая на всё... Ну, или не на спину, если бы он решил, что хочет

трахнуть меня в позе позатейливей.

- Что ты, мама. Сергей Зурабович – приличный человек.

- Кавказец! – выплёвывает мать, будто это слово – какое-то ругательство. Боже, ну почему я вынуждена это терпеть? С какой радостью я вообще бы забыла сюда дорогу... Мы же чужие. Совсем. Толку, что во мне её кровь плещется?

- Mam, мы же современные люди. Откуда эти пещерные представления о жизни?

- Пещерные? Ну, знаешь ли!.. Он и есть такой. Знаешь, что этот... Горозия попросил первым делом, вернувшись домой? Шлюху!

Вот, как? Значит все-таки попросил? Отставляю тарелку в сторону и, открыв кран, подставляю под холодную воду пульсирующие запястья.

- Вот видишь? Свои потребности Сергей Зурабович удовлетворяет вполне цивилизованным образом. Разве это не означает, что мне ничего не грозит?

- Женя! Это не шуточки.

- Да уж какие тут шуточки, мам?

И правда, когда хоть плачь...

Глава 6

Серго

Я просыпаюсь с криком на губах. Весь липкий от пота и с чудовищным стояком, который здорово бы пригодился, реши я прибить полку или там повесить картину. Странно. Мне редко снятся сны, а уж тем более – эротические. Да и то, что мне в этот раз пригрезилось, больше походит на второсортный триллер.

Воспоминания в моей голове спутались, смешались, образуя довольно странный сюжет. Снился Лёшка, которого опускали на моих глазах. Я хотел вмешаться, отбросить прочь от него насильника – здоровенного потного борова, но не успел. Картинка стремительно изменилась. И вот как будто это уже я сам размашисто врезаюсь в тугую задницу. Ощущаю под ладонями узкие по-мальчишески бёдра, мелко-мелко дрожащие от напряжения, нашариваю ладонями плоскую грудь... Мой оргазм неумолимо приближается, и в этот самый момент Лёшка оборачивается, и я понимаю, что на самом деле трахаю Воскресенскую. Её огромные глаза широко распахнуты, ресницы слиплись от слёз, на губах застыла гримаса боли. Я отшатываюсь от неё, как от огня, и просыпаюсь, да... С криком. Привидится же такое!

Наверное, взбреди мне в голову разобрать этот сон с психологом, тот бы непременно решил, что так даёт о себе знать моя гомосексуальность. Но это полная хрень. Я люблю женщин. Красивых женщин, с пышными формами. Вот почему Воскресенская не показалась мне привлекательной тогда, в самом начале.

Спускаю ноги на пол. Сгребая часы, которые с вечера бросил на тумбочке. Хорошие часы, дорогие. Их почему-то не конфисковали, как почти всё остальное. Так и остались в сейфе. На котором Вика не потрудились даже сменить код. Стрелки показывают пять утра. До моей встречи с Евгенией в офисе остается почти четыре часа. И вроде бы можно доспать, но я понимаю, что даже не стоит пытаться. Гиблое это дело.

Плетусь в душ. Вчера я впервые в жизни провёл десять минут в солярии. К счастью, этого достаточно, чтобы избавиться от трупной бледности. Чувствую себя почти нормальным человеком. Чищу зубы, щёку простреливает – до стоматолога я не дошёл, а ведь зуб начал ныть ещё на зоне. Болезненно кривлюсь и осторожно выполаскиваю рот. Да только и ополаскиватель не в силах меня избавить от горечи, собравшейся на языке. Мне не нравится чувство вины, засевшее в груди, в её левой части. Женя для меня столько сделала, что на первый взгляд кажется, будто это неизбежно, но... Я ведь ни черта не знаю о её мотивах. Просто никогда не спрашивал напрямую. А пытаться понять, что в её голове творится – абсолютно напрасный труд. Наверное, нам стоит поговорить. Но не теперь, когда моя жизнь на слабых подпорках держится. Любой сквозняк – и она снова рухнет. Так стоит ли сотрясать воздух? Нет. Уж лучше, пока это возможно, придерживаться избранной ранее тактики. В конце концов, она сама ей следует. И, кажется, её всё устраивает. Разве не идеально?

Готовлю себе завтрак, читаю новости. Всё это так нереально, что будто бы не со мной. Неужели я и впрямь могу всё это делать?

Позавтракав, плетусь в гардеробную. Надеваю костюм и повязываю галстук. Галстук из старой жизни. Костюм и рубашка – абсолютно новые. Как я и думал, весь старый гардероб мне мал. Да и давно уже вышел из моды.

К отведённому нам офису Иван меня привозит ровно к девяти. Лихо паркуется, уведя классное место у лысого мужика на «Крузере».

– Эй! Какого чёрта? – орёт тот, высунувшись из окна.

– Это парковка для топ-менеджеров.

– А я, по-твоему, кто?! Хрен с бугра?

– Ну вот! Всё ты знаешь, – ухмыляется Иван. – Сгинь, мужик, не ищи себе неприятностей.

Пока Иван переговаривается с водилой, я выбираюсь из салона, сам себе открыв дверь.

– Что здесь такое?

Оборачиваемся на голос. Через стоянку к нам шагает Воскресенская. Ее тотал-блэк-закрытый-наглухо образ разбавляет жакет оверсайз цвета фуксии-вырвиглаз. Скромного кроя юбка-карандаш оставляет открытыми колени и икры. Всё такие по-жеребьячи поджарые. На носу – очки. Губы покрашены помадой в цвет пиджака. Из украшений – массивное золотое кольцо и серьги. На ногах – босоножки не по дресс-коду. Волосы собраны в строгий пучок на макушке.

– Не поделили парковочное место, Евгения Александровна.

– Бывает, – улыбается она. – Доброе утро, Сергей Зурабович. Как ваши выходные?

– Потрясающе, – бросаю сухо. Зуб ноет, не прекращая. И боль чем дальше, тем становится сильнее. Вот тебе и первый рабочий день. Как сосредоточиться и не потерять бдительность?

– Ну, тогда, думаю, лучше нам подняться внутрь. Ваш офис располагается на последнем этаже, рядом с моим. Не потеряемся.

– Да уж.

– Команда у нас новая, ещё не до конца сработавшаяся. Но люди все толковые.

– Пусть мне соберут их личные дела. Я изучу, – беру разговор в свои руки и гляжу прямо на неё, пусть нечего и не вижу за стёклами солнцезащитных очков, которые я уже почти ненавижу. Мы в чёртовом здании и по всем правилам делового этикета Евгении Александровне не мешало б их снять! Но она это делает лишь в момент, когда я уже почти созрел, чтобы сделать ей замечание. Будто до этого нарочно меня испытывала.

– Да, конечно. Вы можете отдать распоряжение на этот счёт своей секретарше.

– А моего распоряжения тебе недостаточно? – на кой-то чёрт включаю мудака, каким никогда, в общем-то, не был.

Евгения-чтоб её-Александровна равнодушно ведёт плечом:

– Почему же? Могу и я попросить. Мне не трудно. Но видите ли, у нас столько проблем, что гораздо лучше будет, если я займусь своими непосредственными обязанностями. Не знаю, в курсе ли вы, но с нашего рынка ушли все более-менее стоящие консалтинговые компании. На наши плечи легла подготовка практически всех отчётов. И анализ, и прогноз...

Мы замедляемся у турникета. Она открывает сумочку и начинает что-то в ней искать. Мимо нас, тайком на меня косясь, проходят люди. Кто-то здоровается. Женя отвечает. Я только все сильнее хмурю брови.

– А вот и пропуска. Я уж думала, что в другой сумке оставила.

Турникет мигает зелёным, пропуская нас внутрь. Идём к лифтам, двери которого закрываются у нас перед носом. Набившаяся в кабину компашка так занята разговорами, что просто не замечает нас. У произошедшего есть и свой плюс. Прибывшая следом кабина абсолютно пуста. В ней только я и Воскресенская. И камера, установленная в правом верхнем углу. Я готов дать руку на отсечение, что она тщательно следит за каждым нашим жестом. Каждым словом. Да и Евгения Александровна всё понимает правильно. Вот почему мы до сих пор током не поговорили. За нами повсюду слежка.

- Думаю, где-то час нашим спецам понадобится, чтобы открыть для вас доступ и наладить корпоративную почту. Потом было бы неплохо, если бы вы изучили отчёты хотя бы предварительно. А после предлагаю устроить совещание, чтобы пройтись по каждому пункту отдельно. Вдруг у вас останутся какие-то вопросы или, наоборот, возникнут пожелания.

- Не сомневайтесь.

Это хорошо, что офис у меня новый. В том, где мы работали прежде, осталось слишком много навязчивых воспоминаний. В том числе и о Воскресенской. Двери лифта распахиваются. Мы проходим через коридор к высокой двери.

- Замок открывается при помощи биометрических данных. Ключ не нужен. Попробуйте. Здесь двойная аутентификация.

- Что сделать? - чувствую себя дурак дураком.

- Приложите указательный и средний пальцы к вот этому экрану.

- Откуда у них мои... - осекаюсь, не договорив слово «данные». Потому как всё очевидно на самом деле. Я очень хорошо помню, как откатывали мои отпечатки... Их не вытравить из базы, доступ к которой у курирующих нас спецслужбистов наверняка имеется. Стискиваю зубы и едва не вскрикиваю от острого приступа боли, что возникает где-то в челюсти и простреливает аж в глаз.

- Что-то не так?

– зуб болит. Ничего страшного, – рычу я, касаясь нужными пальцами считывающего устройства. Дверь попискивает и открывается. В шикарной приёмной никого.

– Анна Витальевна, наверное, вышла. Обычно она не опаздывает. Ваш кабинет налево, мой – направо. Дверь открывается по тому же принципу.

– И в твой? – зачем-то провоцирую.

– Что?

– Я могу попасть в твой кабинет при помощи своих пальцев?

– Да. Для этого достаточно сделать вот так, – сухо замечает Евгения и демонстративно стучит о стол, тем самым опять переигрывая меня в словесной дуэли. Чтобы не показать ей своей досады по этому поводу, открываю дверь и тихонько присвистываю.

– Не поспешили!

Высокие девственно-белые стены, большая площадь, полностью стеклянный потолок... Никакого хлама. На столе лишь эппловский моноблок. За столом – шикарное кресло. Стулья, на которые могли бы присесть посетители, стоят далеко, у противоположной стены, будто ими никто и никогда до этого не пользовался.

– Как вам?

– Отлично. Всё как я люблю, – сощуриваюсь и взглядом заставляю её обернуться. Сколько мы смотрим друг на друга в полнейшей тишине? Достаточно. Надо быть осторожней. Потому как если бы не вернувшаяся секретарша, неизвестно, чем бы эти гляделки закончились.

– В остальном вас введёт в курс дела Анна Витальевна...

Анна Витальевна, сухая как палка высокая женщина неопределённого возраста, раздвигает губы в неестественной скупой улыбке и коротко кивает. Менее

симпатичную секретаршу сложно найти. Но, во-первых, я никогда не выбирал секретарш по критериям внешности, а во-вторых, я каким-то шестым чувством понимаю, что мы сработаемся. Главное, не расслабляться. Потому как и дураку понятно, кого всех прежде постараются ввести в мой самый ближайший круг.

Оставшись один, я берусь за отчётность. Первым делом, конечно, финансовую, а после – за результаты проверки качества управления и ведения операций. Это азы. Без них – никуда. В отчётах по первому, самому крупному банку, чувствуется подход спецов банка-регулятора. Отчетность же двух других банков совсем иная. Так, вероятно, эти самые отчеты составил бы я сам. Чувствуется мой подход, моя методологическая база. Если за ними стоит Воскресенская, то я прямо впечатлён. Без шуток...

Очень быстро начинают болеть глаза, отвыкшие от компьютера. Ну как быстро? Часа через три, наверное. А ведь раньше я мог втыкать в таблицы бесконечно. Сворачиваю окно. Выхожу к секретарше, чтобы попросить сварить для меня кофе. Я всё ещё не могу привыкнуть, что я могу кого-то попросить... Так странно. И вроде я помню, как это делать, но... Будто нуждаюсь в лишнем подтверждении, что мне это всё не снится. Смогу ли я теперь как раньше, на автомате, принимать вот такую помощь? Обращал ли в принципе я на неё внимание тогда, шесть лет назад? Скорей всего, нет. Скорей всего, я не представлял другого. Например, алюминиевой кружки, в которой мне придётся самому заваривать чай из пакетика...

Пока я предаюсь мыслям, дверь в кабинет напротив распаивается. Из кабинета спиной ко мне, а лицом к следующему за ней парню выходит смеющаяся Воскресенская.

– Да-да... Прямо так и говорит: «Привет, блудница». Мы с Катей хохотали так, что животы заболели... Ой. Сергей Зурабович...

Парень, которому она это всё рассказывает, завидев меня, не тушуетя. Дружелюбно протягивает руку, будто мы на равных.

– Добрый день, Сергей Зурабович. Рад нашему знакомству. Я тоже Сергей. Дорошев Сергей Сергеич. Начальник аналитического отдела.

– Взаимно.

Вообще-то нет. Но я буду дураком, если это покажу. Значит, Дорошев? Да у меня не команда, а сборище детишек чиновников высшего эшелона. Прямо гребаный детский сад.

– Мы как раз обсуждали кое-какие важные моменты.

Я слышал, что они обсуждали. Уж точно не работу. И это общение приносило ей удовольствие. Об этом свидетельствует лихорадочный румянец на скулах. И её смех... Я вообще не припоминаю, чтобы мне когда-нибудь доводилось его слышать.

– Можем обсудить их вместе.

– Вы уже ознакомились с отчётами? – снова напустив равнодушия в голос, спрашивает Евгения.

– Я понял общую картину. Пока этого достаточно.

– Ладно. Анна Витальевна, соберите, пожалуйста, совещание через час.

– Зачем тянуть?

– Сейчас обед. Мы с Сергеем собирались как раз поесть, – её глаза зажигаются бесящим, раздражающим донельзя упрямством. Ах они с тоже Сергеем собирались... Ну-ну. Кстати... Лично я никакой не Сергей. Женя это уж точно знает. Вряд ли можно забыть, как она, сорвав голос, подо мною орала «Серго-о-о».

– Что ж, тогда приятного аппетита. Встретимся...

– В конференцзале.

Евгения

- Воу-воу-воу...

- Что такое?

- Этот испепеляющий взгляд!.. - Сергей подносит к лицу зажатые в руке документы и, будто ему внезапно становится жарко, принимается энергично обмахиваться. Я закатываю глаза. Детский сад, штаны на лямках! Серый в ответ ржёт, уткнувшись носом мне в шею.

- Отвали, - дёргаю плечом.

- Вот ещё! Зуб даю, наш шеф уже прикидывает, как бы поскорее от меня избавиться.

- Шутишь?

- Нет! Я его выбесил сто пудово. Ты разве не ощутила исходящей от него ярости? У меня даже волосы на теле привстали. Вот, посмотри! - Сергей задирает манжету и демонстративно суёт мне под нос поросшую короткими рыжими волосами руку. - Эх! Какая страсть! Какая экспрессия! Вот это я понимаю...

- Прекрати, Серёж, - хмурю брови. Бесит, когда он забывает об осторожности. Хотя я могу понять, что без вынужденной забывчивости, позволяющей иногда перевести дух и хоть ненадолго почувствовать себя в безопасности, может запросто посунуться крыша. Нельзя... невозможно жить в постоянном напряжении. Если не выпускать пар по чуть-чуть, однажды просто к чертям сорвёт резьбу.

- Окей, - серьёзнеет он. - Лучше расскажи, как прошёл твой обед с родителями?

- Как всегда ничего нового. Папа грызся с Максом, мама... Мама - как мама. Переживала, что мне придётся работать бок о бок с уголовником. Кстати, как насчёт следующей недели? Только не говори, что опять занят. Я не поверю!

– Занят-занят, ещё как.

– Врёшь ты всё! – в отместку за такую наглую ложь легонько тычу Дорошева локтем под рёбра. Тот же морщится так, словно я ему с ноги врезала. Что ж... могу его понять, обед с моими родственничками – та еще мука, но... Серый как-то умудряется сглаживать все углы. Когда он рядом, общество родичей становится почти терпимым. Я тоже частенько его выручаю. У нас, можно сказать, взаимопомощь. – Между прочим, Нинуська скоро забудет, как ты выглядишь.

Мы проходим через турникеты, холл, вертящуюся дверь. Улица встречает нас шумом дорожного трафика и ароматом озона.

– Вот кого бы мне хотелось увидеть! Как она?

– Готовит для тебя новый танец.

– Я думал, у них на танцах каникулы.

– Нина возжелала продолжить обучение. Теперь я плачу за индивидуальные занятия. Я что, тебе забыла сказать?

– Наверное. А ведь это круто, что нашей малышке что-то настолько нравится. Разве нет?

– Угу. Но по деньгам выходит довольно дорого.

– Вышли счёт. Я возьму расходы на себя.

– Нет! Это исключено.

– Послушай, она моя дочь, так? Какого чёрта тебе тащить её в одиночку?

– Я...

– Это может быть подозрительно! – проявляет отказавшее мне здравомыслие Серый. – Я оплачу Нинке чёртовы танцы. И всё. Закрыли тему.

Спазм перехватывает горло.

– Ничего себе! Какие мы грозные. Дурной пример Горозии заразителен? – храбрюсь фиг его знает зачем.

– Я просто волнуюсь о вас, понимаешь? – Сергей останавливает меня за руку и внимательно смотрит в глаза. Сейчас в нём нет и тени прежней дурашливости. Он абсолютно собран и предельно серьёзен. Может, у меня и не слишком много друзей, но Дорошева я бы не променяла и на десяток.

– Ладно-ладно. Хочешь платить – плати. Сэкономлю денег.

– А что дальше?

– Не знаю. Может, прокучу, когда это всё закончится.

А может, моя заначка пригодится совсем для других целей. Если всё пройдёт идеально. Что ж я за дура? Обещала себе не раскатывать губу, а всё равно раскатала. И нет-нет да и мелькают фантазии – тихий домик на берегу, солнце, лето... Так, стоп! Ну ведь совершенно невыносимо! Нельзя... нельзя даже мечтать. Это может обернуться бедой огромных масштабов.

– Что ты думаешь делать?

Пожимаю плечами:

– Придерживаться старого плана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/reznik_yuliya/vernaya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)